

ОЛЬГА

С Ольгой Кильчевской меня познакомил в Крыму прекрасный детский поэт Владимир Орлов. Его квартира была в то время своеобразным клубом литературной молодежи. Потом мы встретились с ней на областном семинаре молодых писателей и познакомились поближе. В том же году вышел коллективный сборник «Радуга», в котором была и ее подборка. Сейчас я листаю эту книжицу, уже пожелтевшую от времени. В маленькой врезке сообщается об Ольге, что родилась она в 1943 году в Дагестане, что, окончив школу в Севастополе, работала и в составе гидрографических экспедиций, и маркировщицей в кузнечном цехе. Джентльменский набор тех лет – все мы должны были по существовавшим правилам заработать себе производственный стаж. И чем «грязнее» было место получения стажа, тем большие очки тебе начислялись на невидимом общественном табло.

В подборке той немало стихов, обозначавших дежурный оптимизм, который, впрочем, был не таким уж казенным, так как вполне совпадал с молодостью и сопутствующими ей чувствами радости узнавания мира и надежд на свое предназначение в нем.

Она сама потом напишет:

*Мы сначала ошиблись,
Научившись смотреть.
Нас сначала пришибла
Голосистая медь.
...И становятся ласково
укротители над,
и пытаются нас они
у заката отнять.*

Еще не появились на розовых щеках юности синяки от первых ударов о железобетонную действительность жизни. Впрочем, и в самых оптимистических стихах, обращаясь к утру, она писала:

*В яркий день ты перейти готовишься.
Погоди, не ослепляй, не жги.*

И в той же подборке:

*...И весело по-ребячьему,
но тревожно по-взрослому...*

Увы, предчувствия ее не обманули. Тревоги были не напрасны. Но я продолжаю читать те, и в чем-то наивные, и соответственно бдительным составителем отобранные стихи. И понимаю, как совсем по-иному начинают читаться строки, когда за ними уже стоит и будущая судьба поэта:

*...На щеках полегла
чья-то гордость,
трудно лоб пересекла
чья-то горечь.
А декабрь захлестнет
Стылой далью.
Чьи-то тропы до высот
не достали...*

Увы, немало троп привело не к высотам, к пропасти. Но пока что она пишет

*Мне приснятся голоса,
пыль и небо,
одинокие глаза
печенегов...*

Помнится, какое-то время среди пишущих ровесников эти одинокие глаза таинственных печенегов были ее «знаком». И я, как будто прокручивая фильм ее жизни в обратную сторону, читаю ее девичьи строки: «Я приду по усталой дороге дождей\ к человеку, который от меня отмахнется...» и думаю о ее будущей личной драме. Уже тогда она писала без особенной грусти о себе: «Никогда красивою я не была,\ но зато красивым было небо...», и наигранно-бесшабашно обращалась тогда еще к немного надуманному любимому: «Мне плевать, что ты сам по себе,\ в общем, лапу давай –и баста.\ Будем лужам и дням улыбаться,\ будет всё нипочём – не робей».

И уже немного позднее с печалью:

*...Март подразнил и погас.
Снова на ветках иней.
Я снова с глазу на глаз
С сумерками пустыми.
Больше не буду трогать
Память о тебе.
Глаза твои хорошие
Совсем не мои теперь.
И тут же беспощадно-трезвое:
Снег заплыван, затоптан
В чужих, тяжелых следах...
Не к кому в омуты-окна,
некуда в поездах.*

Прошло несколько месяцев, и я узнал, что Ольга уезжает в Киев поступать в университет. Она оставила мне свой адрес, сказав:

-Я теперь домовладелица. Приходи сразу же как появишься в Киеве.

И я, демобилизовавшись в 1964 году, еще даже не сняв солдатского мундира, отыскал ее. Адрес меня немного смутил – улица Франко, 30. Но это ведь самый-самый центр. Вдруг какая-то ошибка? Однако ошибки не было. Действительно на этой тихой, в пяти минутах ходьбы от Крещатика улице между больших домов затесалось деревянное строение, почерневшее от времени. Когда-то до революции дом этот принадлежал известному киевскому адвокату Кильчевскому, деду Ольги. Неизбалованная достатком, как и многие из поколения безотцовщины сороковых, она, и получив дом, богаче не стала. Но очень скоро ее дом превратился в своеобразный литературный салон.

Остриженная под мальчишку, взгляд исподлобья, Ольга привлекала к себе самых разных людей. В Москве с ней дружил Михаил Светлов и даже старик, как она в порыве откровенности мне призналась, делал попытки приударить за ней. Однако она, как сама же над собой подшучивала, оказалась девушкой порядочной, не поддавалась на чары всесоюзного остролова. Хотя и относилась к нему с большой нежностью. В Киеве к ней на огонек часто заглядывал Виктор (конечно же, Вика) Некрасов со шлейфом сопровождавших его диссидентов и просто попутчиков, бывали там ее подруга по университету Наташа Бажан (сейчас она в Париже), уже известная в те годы эссеистка Майя Каганская (живет в Иерусалиме), и Леня Киселев, которого уже много лет нет в живых – совсем юным он сгорел от лейкемии. О нем Оля говорила мне: «Старик! Леня – гений. Радуйся, что мы с ним живем в одно время».

Порой Ольга заходила и ко мне домой. Жил я около Голосеевского леса, на Большой Васильковской, 65, рядом с 10-й больницей. Там, в частном доме, я снимал комнату вместе с архитектором и контрабасистом Толей Левентоном. Днем он работал в одном из проектных бюро, а вечером отбивал ритм в оркестре ресторана «Театральный». Личность неординарная, он был заядлым коллекционером каких-то редких пластинок, сам писал, как ему казалось, страшно авангардистские стихи.

В тот день мы с Ольгой оказались возле моего дома, а утром по каким-то общим делам нам надо было идти вместе, и я предложил ей остаться у меня. Отношения с Олей у нас были совершенно братско-сестринские. Поэтому она, не чинясь, осталась. Пока я кипятил чайник, а Ольга листала журнал, оказавшийся на столе, под окнами остановилось такси. Мой сосед Толя вошел, таща за собой контрабас, и поставил его в угол как провинившегося школьника. Прислушался к разговору. Ольга цитировала какие-то стихи на память. Он, снимая пальто, спросил:

- Стихи читаем?

Потом предложил:

- Хотите, я вам свое почитаю?

- Читайте, - обреченно разрешила Ольга и прикрыла глаза, как это делала всегда, когда читала стихи сама, и когда их слушала.

Толя вытащил из чехла контрабаса несколько страниц и тут же обрушил на ее голову смесь бессмыслицы и претензии на глубокомыслие, рубил ладонью какой-то ему одному слышимый ритм.

Ольга молча слушала, по лицу невозможно было понять ее отношения к читаемому. В моей душе боролись и чувство вины перед ней за то, что я ни за что

ни про что обрек ее на это испытание и любопытство, как же она отреагирует. При ее некоторой эксцентричности ничего никогда нельзя было предвидеть заранее.

Так случилось и на этот раз. Дождавшись окончания декламации, она сказала:

-Ничего особенного. Вполне возможно писать такое в неограниченном количестве.

-Да ну? – с недоверием и иронией отреагировал Толя.

-Хотите, прямо сейчас, - предложила она, и, не дожидаясь ответа, откинулась на спинку стула и в извечной своей манере, закрыв глаза и чуть покачиваясь, начала декламировать нечто близкое к услышанному полубреду, но несущее блески совершенно неожиданных образов и интонаций.

Лицо Толи преобразилось. На нем появилось нечто, напоминающее удивление – как будто вдруг гора заговорила. В конце он почтительно несколько раз хлопнул в ладоши. А когда Ольга ушла за перегородку, где я ей постелил, шопотом поделился со мной:

-Удивительно талантливая девочка! Как ее зовут? Надо запомнить. И принеси мне, пожалуйста, ее стихи. У нее уже есть напечатанные?

Сейчас, когда я пишу эти строки, с грустью думаю о том, какие это были благославенные времена. Передавались друг другу отпечатанные на папиросной бумаге тексты, строились грандиозные планы преобразования жизни после того, как будет свергнута власть коммунистов. Полушутя Ольга говорила мне, учившемуся тогда в сельскохозяйственной академии (в университет на вечернее отделение филфака я пошел много позднее, уже работая журналистом):

-Старик, ты смог бы стать министром сельского хозяйства, если мы победим!

Эта детская болезнь, впрочем, скоро прошла, на Ольгу обрушилась большая любовь. Она просто боготворила человека, с которым вскоре стала жить вместе. Прислушивалась к каждому его слову. Он был весьма образован. В диссидентских кругах к нему относились с почтением. Снисходительно посматривал на стайки стихотворцев, окружавших Ольгу. И хотя среди них было немало по-настоящему талантливых ребят, стихи их он слушал всегда с брезгливым выражением на лице. Похоже, что именно в это время Ольга стала относиться чрезвычайно критично к собственным стихам, написанным ранее.

Не к этому ли периоду в ее жизни относятся строки, которые я нашел среди сохраненных ее подругами:

*Нет у нас в запасе вечности,
никаких у нас в запасе дат.
Ты не приходи ни днем, ни вечером –
никогда.
Я попробую, сумею выдержать,
даже небо называют твердью...
Некуда?
По улицам высохшим –
в городские скверы.
Что мне делать без твоих ладоней,
как мне жить?
Изломаю, выброшу надолго
все карандаши.*

Это было время поездок на целину, в студенческие стойотряды. Во время таких кампаний открывались молодежные газеты на целине, в Тюмени. И Ольга со своим новым другом не раз бывала летом в тех областях. Но однажды они поехали в разные регионы. Ольга вернулась раньше. А когда приехал друг, то на него обрушился шквал ревности. Со временем накатывающие на Ольгу депрессии стали выливаться в попытки совершить самоубийство. Несколько раз их удавалось предотвратить. Однажды наш общий знакомый зашел к ней, когда она уже открыла газовые горелки. Второй раз это было связано с таблетками снотворного, которое она приняла в большом количестве, но и тут тоже успели откачать. А самое страшное случилось уже далеко от того деревянного домика на улице Франко 30. Дело в том, что место, на котором стоял этот домик, облюбовал для себя кооператив артистов киевского оперного театра. И председатель кооператива, известный скрипач, начал обхаживать Ольгу, измученную сложными отношениями с любимым человеком и постоянным безденежьем. Быстро соригенировавшись в обстановке, музыкант, решил что с ней нечего церемониться. Одинокая, беззащитная, чужая в этом городе - ни родни, ни связей. И первые же предложения были совершенно наглые. Ей предлагалась взамен ее ухода то комнатка в Беличах, то еще в каком-то поселке за пределами Киева. Когда об этом прослышали ее друзья, то сразу же встали на ее защиту. Делать это было непросто - она обреченно была готова принять самые беспардонные предложения. Особенно когда ей обещали в доплату дать еще какую-то сумму денег. И максимум чего друзья смогли добиться для нее - это однокомнатную квартиру хоть и на окраине, напротив гостиницы «Золотой колос», но все-таки в Киеве. Квартирку ей дали на самой верхотуре девятиэтажного дома. И всё её окружение теперь стало бывать здесь. Впрочем, намного реже, чем на Франко, куда заглянуть было делом пяти минут. А сюда троллейбус с Крещатика шел больше получаса. Совсем недалеко от нее находился ипподром. И потом уже, через много лет увидел я ее стихи, сохраненные севастопольской подругой:

*Чьи-то руки по крупу хлопали,
привечали злом и добром...
Мы трамбованы пылью, воплями,
словно киевский ипподром.
Был скворешней мой дом и пасекой,
и вагончиком навесным.
Как о милости просят падиши,
я прошу у тебя тишины.
Назови меня красным солнышком,
проводи меня с высоты
к белым снегам,
к зеленым омутам,
к песням горестным и простым.
Дай мне утром хлебы зеленые,
чарку добрую ввечеру.
Проживу по чужим законам я,
по своим законам умру...*

Мама Ольги, детский врач, продолжала жить в Севастополе. После одной из попыток Ольги покончить с собой наш общий приятель написал ей о случившемся. Она тут же прилетела из Севастополя и вошла в дом, держа в руке письмо. После этого Ольга сказала приятелю: «Вовка, ты меня предал, все, больше я тебе дверь не открою!»

Очень скоро после этого оставшийся верным ей друг, который старался не отходить от нее в трудные минуты, когда на нее накатывала черная депрессия, однажды не выдержав напряжения, выскочил из дому позвонить друзьям, чтобы те приехали поддержать его. А когда вернулся, было уже поздно. Зацепив кусок бельевой веревки за крюк, на котором крепилась люстра, Ольга повесилась. Рядом, на столе, лежал остро отточенный нож. Видимо, в надежде, что друг еще успеет вернуться и спасет ее. Но он не успел.

Похороны Ольги были нелепыми и рвущими душу как и ее незадавшаяся жизнь. Когда стало известно, что Оли нет в живых, возле ее дома собрались друзья, знакомые, сокурсники и просто те, кто слышал о ней – было немало представителей телевидения, журналистов-газетчиков. Ждали из Севастополя маму. За годы жизни в Киеве Оля успела обрасти целой армией знакомых и друзей. В Севастополе же уже у нее мало кто остался – разметало по стране. И, позвонив матери, договорились, что хоронить Ольгу будут в Киеве. И даже предложили ей остаться в Киеве – впрочем, понимая, что жить в квартире, где произошла трагедия, мать вряд ли согласится. И организаторы похорон смотались на Дарницкое кладбище и оплатили всё, что было нужно. Похороны назначили на 5 часов вечера. Ольга завещала положить с собой в могилу томик Пастернака. И его тоже приготовили.

А когда прилетела мать, начались метания. Несколько раз в течение дня она меняла решения то в пользу Севастополя, то в пользу Киева, и закончилось категорическим «Увезу ее к морю». Понадобились титанические усилия и использование пресловутого блата, чтобы за несколько часов договориться о цинковом гробе и специальных билетах для матери и сопровождающих. Когда их проводили, оставшиеся самые близкие друзья, положив в банку из-под кофе прядку ее волос и прихватив том Пастернака, отправились на Дарницкое кладбище. Положили все это в приготовленную могилу и воткнули табличку с именем в сжёнасыпанный холмик. Потом мы нашли и ее севатопольскую могилу. Не знаю, цела ли она теперь, потому что в один из последних приездов в Крым я узнал, что кладбище собирались закрывать и перезахоранивать будут только тех, чьи родственники объявятся. Но мама Ольги к тому времени сама ушла в мир иной и к, сожалению, тем же способом, что и ее дочь. А более никого из близких у них не имелось.

Трагическое мироощущение сопровождало ее с самых ранних стихов. Вот что писала она еще в благополучном 1962 году, задолго до приезда в Киев и всех описанных выше событий:

*Мне хочется встать и уже не хочется.
Остаться хочется этой травой.*

*Мне очень ясно и очень холодно
Наедине с синевой.
Начало полного забвенья...
Был выстрел или сломался хребет?
Медленно рушится мирозданье
Прямо на грудь тебе.*

Увы, мирозданье обрушилось на нее стремительно и беспощадно. А что касается забвенья, то все эти годы бережно хранили ее стихи ее любимая учительница Валентина Наумовна Левант, живущая сегодня в израильском городе Хайфа, верные подруги Галя Гайдай, недавно уехавшая в Италию и оставшаяся жить в родном городе Ольги Севастополе Галя Резакова. Всем им огромное спасибо.

И пускай эти не очень складные воспоминаия о ней помогут хоть ненадолго вырвать из небытия образ светлого человека, каким Оля Кильчевская запомнилась мне и всем, кто ее знал.

Леонид СОРОКА ©